

- Смоляк А.В.** Соотношение аборигенного и тунгусского компонентов в хозяйстве народов нижнего Амура // Народы и языки Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 260–266.
- Смоляк А.В.** Народы нижнего Амура и Сахалина: (Фотоальбом). – М.: Наука, 2001. – 320 с.
- Соколова З.П.** Животные в религиях. – СПб.: Лань, 1998. – 286 с.
- Тимохин В.А.** Медвежье кладбище у нанайского села Кондон // Изв. СО АН СССР. – 1969. – Вып. 1–3. – С. 111–113.
- Туров М.Г.** Эвенкийский обряд “проводов медведя” как форма организации пространства // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11). – С. 132–140.
- Цинциус В.И.** Центральные и маргинальные фонетические ареалы Приамурья и Приморья // Народы и языки Сибири: Ареальные исследования. – М.: Наука, 1978. – С. 62–63.
- Чаадаева А.** Кондонский дневник // Дальний Восток. – 1979. – № 3. – С. 138–145.
- Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.** В преддверии философии: Духовные искания древнего человека. – СПб.: Амфора, 2001. – 314 с.
- Шавкунов Э.В.** Культура чжурчженей-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1990. – 284 с.
- Шевкомуц И.Я.** Поздний неолит северо-востока нижнего Амура: памятники с гребенчато-пунктирной и криволинейной орнаментацией керамики: Автoref. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 19 с.
- Шренк Л.И.** Об инородцах Амурского края. – СПб.: [Б.и.], 1883. – Т. 1. – 323 с.
- Штернберг Л.Я.** Гиляки, орохи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.
- Энциклопедия Хабаровского края и Ерейской автономной области.** – Хабаровск: Приамур. геогр. об-во, 1995. – 328 с.

Материал поступил в редакцию 19.04.04 г.

УДК 391

Д.М. Маншев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: dorzham@mail.ru*

СКОТОВОДЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО БУРЯТ ВОСТОЧНОГО ПРИСАЯНЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Одной из важнейших задач этнографической науки является изучение специфики традиционной культуры хозяйствования народов мира во всем многообразии ее проявлений. Предметом исследования становятся традиции различных хозяйственно-культурных типов, и в т.ч. скотоводства.

Как известно, хозяйственно-культурные типы складывались в определенных экологических условиях. Географическая среда оказывала сильное влияние на основные параметры жизнедеятельности общества. Многообразие естественно-природных условий, проявляющееся в особенностях рельефа, климата, гидрографического режима, почвы, растительного покрова, ландшафтной зональности и т.п., в значительной мере детерминировало многообразие форм материального производства, хозяйственно-культурных типов, а следовательно, и способов производства [Андреев, Марков, 1990].

Большой научный интерес вызывает традиционное скотоводческое хозяйство бурят Восточного Присаянья, занимающих экологическую нишу горных долин на границе степей и тайги, которая представляет собой контактную зону оседло-земледельческой культуры с кочевой. Их традиции иллюстрируют хозяйственно-культурную адаптацию кочевников к специфическим условиям субаридной экосистемы, а также раскрывают возможности аккультурации к более развитой промышленной экономике оседло-земледельческого государства.

Бурятское население Восточного Присаянья проживает в южной части Восточных Саян (Тункинский, Окинский и Закаменский р-ны Республики Бурятия). Его этническое ядро составляют хонгодоры – одно

из основных племенных объединений бурят. Восточное Присаянье представляет значительный интерес для исследования, т.к. особенностью рассматриваемой территории является разнообразие природно-климатических условий. Отметка дна котловин над уровнем моря здесь варьирует от 700 до 1400 м, что влияет на климат, особенности растительного покрова, видовой состав скота в хозяйствах. Кроме того, южная часть Восточных Саян является зоной контактов бурят, монголов, русских, тувинцев, тофаларов и сиботов.

Современные этнографы, изучающие этносы-номады, основываются на характеристиках кочевых хозяйств, данных Г.Е. Марковым и С.И. Вайнштейном [Вайнштейн, 1972, с. 66–73; Марков, 1979, с. 275–289]. По классификации С.И. Вайнштейна, существуют четыре формы скотоводческого хозяйства: кочевые, полукочевые, полуоседлые и оседлые [Вайнштейн, 1972, с. 73–74]. Мы в своем исследовании выделяем две: кочевые и оседлые, т.к. за основу классификации берем локальные особенности традиций присаянских бурят.

Известный казахский этнолог Н.Э. Масанов подразделил местообитаниеnomадов в соответствии с принципами общепринятой экологической систематики на ареал (экосистема) кочевничества и маргинальную зону (экотон) [Масанов, 1991, с. 11]. Район проживания присаянских бурят по данной классификации относится к маргинальной зоне, находящейся на границе между лесом и степью.

Первые сведения о бурятах Присаянья принадлежат русским и иностранным путешественникам XVII – первой половины XIX в. В материалах П.С. Палласа,

И.Г. Георги и М.М. Геденштрома содержится информация о количестве и наименовании родов, проживавших в районе Тункинского острога (см.: [Гирченко, 1939, с. 30, 57]).

П.А. Кропоткин в 1865 г. на основе своих наблюдений во время поездки по Тункинскому краю и Горной Оке опубликовал этнографические очерки. В них он подробно описал историю края, дал характеристику этнического состава населения (ясачных, казаков, бурят), быта, религиозной жизни. Особое внимание было обращено на метисированных бурят (13 % от общего количества бурят), переходивших от кочевого образа жизни к оседлому [Кропоткин, 1867]. В конце 60-х – первой половине 70-х гг. XIX в. П. Ровинский издал “Очерки Восточной Сибири”, две части которых были посвящены Тунке. Он описал топографию края, подробно рассказывал о крещении бурят, привел краткие сведения о сезонных перекочевках [Ровинский, 1875].

Наиболее информативные данные о закаменских бурятах конца XIX в. (расселение этнических групп, форма землепользования, хозяйство) содержатся в “Материалах комиссии Куломзина...” [1898]. Из них следует, что буряты, проживавшие в восточной части Закамны, являлись скотоводами-земледельцами, а в западной – скотоводами. Скотоводы-земледельцы в урожайные годы имели излишки хлеба для продажи, а скотоводы покупали хлеб.

Ценные сведения о формах кочевания и хозяйстве окинских бурят есть в работе И. Никонова [1926, с. 98–102]. В зависимости от природно-климатических особенностей автор разделил Окинский хошун на два хозяйственных района, отличавшихся друг от друга по количеству перекочевок за год. Так, в высокогорье их было четыре и более в год, а в низовье – две, и только исключительные условия заставляли выгонять скот зимой в поисках корма далеко от стоянок.

В 1929 г. П. Полтораднев осветил тему бурятского скотоводческого хозяйства на материалах населенных пунктов Хойтогол и Монды Тункинского р-на. Впервые им были выявлены различия в содержании скота в двух селениях, обусловленные природно-географической средой. Ввиду отсутствия зимних пастбищ в Хойтоголе его жители были вынуждены заготавливать большое количество сена на зиму. Скот мондинских бурят круглый год находился на подножном корму [Полтораднев, 1929, с. 103–104].

В 1969 г. вышла в свет книга К.В. Вяткиной “Очерки культуры и быта бурят”, где дана общая характеристика хозяйства всех бурят. В работе указывается, что тункинские буряты занимались в основном скотоводством и охотой. Наряду с этим отмечается и наличие земледелия в небольших масштабах. Концепция выделения хозяйственно-культурных типов у предбайкальских и забайкальских бурят, принятая К.В. Вятки-

ной, сегодня устарела. Различия, на наш взгляд, имеют более дробный, этнолокальный характер.

Первая работа, целиком посвященная культуре закаменских бурят, была опубликована Г.Р. Галдановой в 1992 г. Она дает представление о традиционном хозяйстве этой этнической группы, традиции скотоводства которой близки таковым у окинских и тункинских бурят. В том же году вышла в свет монография И.Б. Батуевой “Буряты на рубеже XIX–XX вв.”. В ней содержится богатый материал по скотоводству у бурят, но автор неставил перед собой специальных задач по изучению традиционного хозяйства отдельных этнолокальных групп.

В исследовании Ж.А. Зимина “Этнокультурные традиции Окинского края” [2001] содержится информация о скотоводстве, материальной культуре окинских бурят и сойотов.

Таким образом, мы видим, что на протяжении длительного периода культура хозяйствования бурят Восточного Присаянья привлекала к себе внимание исследователей. Авторами рассмотрены отдельные аспекты скотоводческих традиций тункинских, закаменских и окинских бурят. Тем не менее до настоящего времени специфика традиционного хозяйства присаянских бурят изучена недостаточно.

Присаянье можно назвать районом горных котловин, крупнейшей из которых является Тункинская. Каждая из них ограничивается лесным массивом и горными возвышенностями, что в прошлом препятствовало свободному перемещению скота из одной котловины в другую. Письменные источники и материалы опроса информантов подтверждают этот факт. Из вышеизложенного следует, что территории, предназначенные для сезонных перекочевок присаянских бурят, были ограниченные. Это обстоятельство, по-видимому, обусловило сравнительно малую подвижность скотоводческого хозяйства присаянских бурят: количество перекочевок колебалось от двух до четырех, расстояние между стоянками в среднем составляло 10–50 км (для сравнения: монголы и казахи совершали циклические перекочевки до 1000 км). Присаянские скотоводы имели малочисленные стада, в которых преобладал крупный рогатый скот, менее приспособленный к зимней төбөнеке и длительному переходам.

В изучаемый период скотоводческое хозяйство присаянских бурят было комплексным. Тункинские буряты, кроме скотоводства, занимались охотой и земледелием. Последние имели вспомогательный характер. Вот что сообщают архивные источники за 1889 г.: “Долина реки Иркута до Туринского караула имеет почву суглинистую, черноземную, а частью и торфянную, что благоприятно отражается на урожае хлебов и даст толчок развитию здесь хлебопашства, которое, по-видимому, в недалеком буду-

щем получит здесь полное право гражданства в ущерб этому древнейшему... промыслу зверопромышленности. Далее за этим караулом (Туранским. – Д.М.) почва каменистая и болотистая, для хлебопашества, конечно, неудобная, отчего 2/3 населения ведомства расположилось по сю сторону Турана" (НАРБ. Ф. 171. Оп. 2. Д. 80. Л. 197). Таким образом, 2/3 населения Тункинского ведомства были оседлыми скотоводами-земледельцами, а 1/3 (окинские и мондинские буряты) – кочевыми скотоводами.

Тункинские буряты, проживавшие в Мондинской котловине (выше Туранского караула), хлебопашеством не занимались из-за сурового климата и отсутствия здесь плодородной земли. Неблагоприятные для выращивания зерновых условия связаны с тем, что местность Монды находится на высоте 1310 м над ур. м. (АОТРАБ. Ф. Р-1. Оп. 29. Л. 5).

У скотоводов Тункинской котловины земледелие было развито больше, чем у остальной части присаянских бурят. Значение земледелия падало, а скотоводства возрастило (особенно это касается рогатого скота и овец) в направлении с востока на запад, что было связано с природно-географическими условиями, в частности с увеличением абсолютной высоты местности в этом направлении (АОТРАБ. Ф. Р-1. Оп. 29. Л. 53).

Совсем незначительные посевы зерна отмечены в ведомстве Закаменской инородной управы, где при численности населения в 1538 чел. под посев 1845 г. было приготовлено 76,5 десятин земли [Залкинд, 1958, с. 207]. Закаменские скотоводы закупали зерно в Тункинском ведомстве, хотя часть бурят, проживавших в Джидинской долине, выращивала зерновые культуры.

Окинские буряты вообще не занимались земледелием. Согласно архивным источникам и сведениям информантов, в Окинский р-н Бурятии оно проникло только в послереволюционный период (НАРБ. Ф. 171. Оп. 2. Д. 80. Л. 197; информант (далее – инф.) П.Н. Шагдуров).

Подавляющее большинство присаянских бурят (мужчин) занималось охотой. Интересны документы 1-го Куркутского улуса кочевых инородцев Иркутского округа Тункинской степной думы, говорящие об уровне развития охоты в Присаянье. Основная часть хозяйств этого улуса кочевала в Торской и Тункинской котловинах, самых просторных в хозяйственном отношении (100 – в Торской, 40 – в Тункинской), и только два – в Туранской, пять хозяйств находились в Хангинском карауле. Мужчины 108 хозяйств (из 147) занимались сезонной охотой (НАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 145. Л. 5–28).

Опрос информантов в Тункинском, Закаменском и Окинском р-нах Бурятии показал, что охота занимала второе место после скотоводства в хозяйственной деятельности бурят Присаянья. Причем лучшими

охотниками считались те буряты, которые жили в верховьях долин, ближе к тайге.

Ограничность зимних и летних пастбищ в Присаянье компенсировалась заготовкой сена, т.к. травы на преобладающих здесь лугах было достаточно. Расположенные вдоль многочисленных рек и речек луга не испытывали недостатка во влаге. Летние пастбища присаянских бурят в степных урочищах и альпийских лугах увлажнялись атмосферными осадками, частыми в теплое время года. По сведениям информантов, засухи в Присаянье – очень редкое явление (инф. В.Д. Жаргалов, Х.Б. Ангаева).

Таким образом, специфика скотоводческого хозяйства тункинских, окинских и закаменских бурят, включавшего охоту и земледелие как вспомогательные отрасли, была детерминирована природно-климатическими факторами. Традиционное хозяйство присаянских бурят занимало своеобразную экологическую нишу, которая диктовала условия хозяйствования, несмотря на возраставшее в конце XIX в. влияние российской экономики.

Особенности среды обитания и хозяйствственные потребности бурят в Присаянье определили видовой состав их стада. Наиболее полные сведения об этом были зафиксированы в середине XIX в. Численность различных видов скота у присаянских бурят (тункинских, закаменских, окинских) составляла: крупного рогатого – 22 100 голов (43 % всего поголовья), мелкого – 15 091 (29 %), лошадей – 14 774 (28 %) [Батуева, 1992, с. 9–10].

Местные породы скота у присаянских бурят были представлены монгольской коровой, низкорослой монгольской лошадью и курдючной грубошерстной овцой. Кроме того, в Окинском хошууне, в частности у обурятившихся сойотов, были одомашнены северные олени. Присаянские буряты разводили также сарлыков (монгольский як), хайнаков (помесь сарлыка с монгольской коровой) и ортомов (помесь хайнаков с монгольскими коровами).

В среднем присаянская корова давала от 1,083 до 3,284 л молока в день, с жирностью 3,90–4,98 %. Пик удоев приходился на июнь – июль. При убое крупного рогатого скота весом 377,50 кг выходило 181,37 кг мяса и сала, что составляло 48,13 % от общего веса (ХВРК БНЦ СО РАН, инв. № 957. Л. 54, 59).

Крупный рогатый скот весьма прихотлив в содержании, в отличие от яков, лошадей и овец. Хорошо приспособленный к суровым условиям Присаянья, он все же хуже переносит перекочевки на длинные расстояния и требует, по возможности, стойлового содержания. Для него характерны весьма низкая скорость передвижения, неэкономное освоение пастбищ, слабо выраженные рефлексы тягови и стадности, замедленный цикл воспроизводства (беременность девять месяцев, рождаемость – до 75 телят на 100 маток) [Крадин, 2000, с. 218].

Сарлыки резко отличаются от остального рогатого скота длинным и густым волосяным покровом, который характеризуется очень хорошими теплоизолирующими свойствами [Акклиматизация яка..., 1980, с. 15]. Отличительной особенностью монгольских яков является их выносливость и приспособленность к высокогорным районам. В поисках корма они зачастую взбираются на такие крутые склоны, где не встретишь других домашних животных. Хозяйственно важным является нетребовательность яка к условиям содержания. Он может оставаться на пастбищах круглый год почти без подкормки (ХВРК БНЦ СО РАН, инв. № 953. Л. 3). Ввиду особенностей питания як в меньшей степени повреждает травяной покров пастбища, чем лошадь. Сарлыки способны держаться крупными стадами. Як устойчив к различного рода заболеваниям; будучи горным видом, имеет по сравнению с животными низменности более совершенные механизмы выживания [Акклиматизация яка..., 1980, с. 4–5]. Хорошие рабочие качества и выносливость яка дают возможность использовать его как выючное животное. При сравнительно небольшом удое молоко яка отличается высокой жирностью – 12 % (ХВРК БНЦ СО РАН, инв. № 953, л. 2). От сарлыков берут шерсть и волос. С одного животного в среднем собирается шерсти 1–2 кг, волоса 0,3–0,5 кг (АОТРАБ. Ф. Р-1. Оп. 29. Л. 59).

Основным местом обитания сарлыков были высокогорные районы Присаянья (1200–2500 м над ур. м.). Домашний як разводился главным образом в высокогорной Оке (ныне Окинский р-н Республики Бурятия) и в западной части Закамны (Закаменский р-н), в значительно меньших количествах в Тунке (Тункинский р-н).

Хайнак крупнее сарлыка, шерсть у него несколько короче, он также отличается выносливостью и приспособленностью к высокогорным пастбищам, но в отличие от яка может обитать и в более низменных местах. По словам информантов, хайнаки были распространены в Турской и Хойтогольской котловинах Тункинского р-на (ок. 1000 м над ур. м.), а также ниже Санагинской долины до с. Цакир Закаменского р-на (912 м над ур. м.). Более благоприятные климатические условия низменных мест способствовали разведению хайнаков в Закаменском р-не (ХВРК БНЦ СО РАН, инв. № 953. Л. 11).

Ортом – самый мелкий среди крупного рогатого скота монгольской породы, малопродуктивный и чувствительный к холodu. Кроме того, его потомство еще менее приспособлено к жизни*.

* Поэтому присаянские буряты старались избавиться от ортомов. От ортома рождался *үнан гүзэн* (тунк. “водяное брюхо”), *хүхэ гүзэн* (закам. “сивое брюхо”).

Лошади у присаянских бурят были монгольской породы, низкорослые, малосильные, но выносливые, неприхотливые к корму и приспособленные к горной местности (АОТРАБ. Ф. Р-1. Оп. 29. Л. 37). Они могли стойко переносить зимние холода и голод, довольствоваться в зимнее время только подножным кормом (ветошью). Лошадь использовалась для верховой езды, перевозки грузов во время перекочевок, в работе на сенокосе и на охоте, важную роль выполняла при пастьбе скота. Она давала мясо, молоко, из конского волоса делали крепкие веревки, из шкуры изготавливали мешки, обувь, ремни и сбруи. Не случайно богатство бурят, так же как и другихnomadov, определялось в значительной мере количеством имевшихся у них лошадей.

Отличительной особенностью лошадей Присаянья является их способность свободно передвигаться по горным каменистым тропам и перевалам. Это умение вырабатывалось во время пастьбы лошадей на горных альпийских лугах. Во время преодоления перевалов вначале пропускают обученную, бывалую лошадь, а затем проводят молодую. Лошади низин Присаянья менее приспособлены к высокогорью. При передвижении по скалам и горным рекам они часто срываются с троп, ранят ноги, не справляются с сильным потоком воды, нередко гибнут. Лошади, хотя и привычные к горным условиям, все же уступают северным оленям и сарлыкам.

Горно-окинские олени по росту (высота в холке) и другим основным показателям (косая длина туловища, обхват, ширина груди и живой вес) принадлежат к числу наиболее крупных домашних северных оленей на территории России. Вес поклажи для взрослого выючного животного составляет от 25–30 (самка) до 30–45 (самец) кг. Верховой олень поднимает человека весом до 70 кг. С максимальным грузом животное проходит за сутки ок. 25–30 км. Присаянские олени используются только для верховой езды. Самка оленя начинает приносить потомство в двухлетнем возрасте, вынашивает 220–240 дней. Доят ее один-три раза в сутки. За одну дойку она дает 150–200 г молока. Средний удой за весь лактационный период составляет 30–80 л. По жирности (22 % и выше) молоко оленя превосходит молоко, получаемое от других видов молочного скота (ХВРК БНЦ СО РАН, инв. № 1021. Л. 1–35).

Овцы в Присаянье были в основном грубошерстные. В среднем за год с одной особи настригали шерсти от 0,6 до 1 кг. Живой вес маток составлял от 35 до 40 кг (АОТРАБ. Ф. Р-1. Оп. 29. Л. 57). Плодовитость овец – примерно 105 ягнят на 100 маток. Чтобы приплод был обеспечен достаточным количеством молока и свежей травы, случку производили в январе–феврале. Лактационный период овцы длился 4–4,5 месяца.

Козы чаще всего содержались в хозяйствах бедных бурят, которым было выгодно разводить именно этот вид мелкого рогатого скота. Они отличались не прихотливостью и выносливостью, их разведение не составляло особого труда. Коза за год приносила три-четыре козленка [Галданова, 1992, с. 46–48].

Размеры скотоводческого хозяйства в разных местах Присаянья в зависимости от степени зажиточности населения несколько варьировали. По словам старейших информантов, богатые буряты, жившие в Туранской и Хойтогольской котловинах, в среднем владели 30–40 головами крупного рогатого скота, 10 лошадьми, 20–30 овцами. В средних хозяйствах было 10–20 голов крупного рогатого скота, 4–5 лошадей и 10–15 овец. Бедняки же имели лишь одну-две коровы и коня, овец вовсе не держали. Богатых было очень мало, всего одна-две семьи. Один богатый человек Хэбхэн имел 300 лошадей, но, чтобы содержать их, ему приходилось кочевать в местности Ури Монголии (инф. Л.Н. Ихинеев, Ш.А. Сыренова).

В конце XIX столетия в Тункинской и Торской котловинах бурятские хозяйства, имевшие 40–50 голов крупного рогатого скота, составляли 2,12 %, 20–35 голов – 14,18 %, 3–15 голов – 77,3 %, остальные (6,4 %) имели меньше трех голов крупного рогатого скота. Овец здесь разводили 45,39 % хозяйств среднего и выше среднего достатка. Лошади были в каждом хозяйстве, их количество варьировало от 1 до 50. Хозяйства, имевшие 50 лошадей, составляли лишь 1,42 % (интересно, что в них крупного рогатого скота было меньше, чем лошадей, в 2–5 раз) (НАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 145. Л. 5–29). Все это дает основание предположить, что только 2,12 % хозяйств может быть отнесено к богатым. Большинство скотоводов вынуждено было искать дополнительные источники существования в охоте и земледелии.

В хозяйствах закаменских бурят среднего достатка численность крупного рогатого скота достигала 100 голов. Богатые семьи имели стада в 200 голов и более. Встречались хозяйства, имевшие всего пять-шесть коров. Лошадей было много, хотя здесь не встречались такие богачи, как, например, в Агинских степях, имевшие до 1 000 голов. В одной состоятельной семье могло быть 50–100 лошадей, в богатой – 100–200; самые богатые владели табунами в 500 голов, но были и бедняки, которые имели только одну или две лошади. В одном хозяйстве среднего достатка (преобладавшие в Закамне) обычно насчитывалось 20–30 дойных кобылиц. Овец в Закамне было немного, т.к. местные природные условия не способствовали их разведению. Здесь не хватало солончаковых пастбищ, необходимых овцам. Даже в обширной Санагинской долине не разводили больших стад. В среднем хозяйстве могло быть ок. 20–30 овец, в богатом – 60–100, бедные зачастую вообще их не имели [Галданова, 1992, с. 44–47].

Основой хозяйства у обурятившихся сойотов Оки, живших в населенных пунктах Жончин и Ха-Модон, сравнительно недалеко от верхней границы леса в самых верховьях рек, являющихся истоками р. Белой, был крупный рогатый скот. Эта группа держала достаточно оленей, чтобы использовать их в качестве транспорта для зимней охоты. По словам информантов из Окинского р-на, в Оке были богачи, которые держали до 150 сарлыков, а также много лошадей и коров монгольской породы. Их стада паслись на территории Монголии (инф. В.С. Сонопов).

Анализ данных о видовом составе и количестве скота у бурят Присаянья указывает на его относительную малочисленность по сравнению с остальными регионами Бурятии. Обделенные естественными пастбищами присаянские буряты не имели возможности разводить большое количество скота. Что касается видового соотношения, то прослеживается наличие двух типов стада крупного рогатого скота в различных регионах Присаянья. В высокогорье (1200–2500 м над ур. м.) с суровыми климатическими условиями, пересеченной местностью и скудостью травяного покрова были стада с преобладанием яков и их гибридов, способных круглый год обходиться подножным кормом. На низменностях (700–1000 м над ур. м.), где встречались равнины со сравнительно обильной растительностью и более мягким климатом, в стадах доминировали более прихотливые коровы монгольской породы.

У окинских и закаменских бурят общая численность скота была больше, чем у тункинских. По-видимому, это обусловлено тем, что они жили в основном за счет скотоводства и охоты, земледелие, существовавшее в Закамне, было ничтожно. У тункинских бурят к концу XIX в. наряду со скотоводством и охотой все большую роль начинает играть земледелие.

Тип скотоводческого хозяйства присаянских бурят, живших в речных и околоозерных долинах лесостепной зоны, предгорной и высокогорной полосы, отличался от такового в засушливых районах пустынных и полупустынных зон, где приходилось использовать искусственные водные источники. Большие запасы воды и более высокая продуктивность растительного покрова Присаянья не требовали частых и длительных миграций и определяли большую продолжительность стоянок. Для хозяйств присаянских бурят было свойственно стационарное содержание скота зимой.

К концу XIX – началу XX в. в Присаянье были представлены и кочевая, и оседлая форма скотоводства. Присаянские буряты совершили две–четыре и более перекочевок в год по определенному маршруту, имели постоянные жилые и скотные постройки на всех сезонных стойбищах (зимних, летних, осенних и весенних). Количество и расстояние перекочевок были

не везде одинаковыми и зависели от структуры комплексного хозяйства. Оседлые скотоводы, занимавшиеся земледелием, кочевали два раза в год, а номады, не имевшие пашни, – четыре и более. Кроме того, на амплитуду перекочевок влиял рельеф и климат местности, величина пастбищ и количество скота в хозяйствах.

Кочевые хозяйства у присаянских бурят сохранились до начала коллективизации в Бурятии (1931 г.). Так, по сведениям М.О. Могордоева, в 1931 г. у закаменских бурят было 670 кочевых и 1 350 полукочевых (согласно нашей классификации, оседлых) хозяйств, а у тункинских (в т.ч. и окинских) – соответственно 380 и 2 640 [Могордоев, 1952, с. 54–55].

Нет сомнения, что, пытаясь ввестиnomадизм различных народов в одну общепринятую классификацию, мы не можем полностью раскрыть множество существующих форм скотоводства, зависящих от большого количества факторов, таких как природно-климатическая среда, политика и экономика государства, которому подчинено кочевое общество, а также традиции отдельной кочевой общинны. Так, по сведениям исследователей, посетивших Присаянье в изучаемый период, и информантов, для большинства хозяйств Присаянья была свойственна оседлая форма скотоводства, которая не вписывается в классификацию С.И. Вайнштейна. Остальные присаянские буряты, причисленные нами к кочевым, совершали четыре и более перекочевок в год и имели на зимней стоянке стационарное деревянное жилище, а на летней, осенней, весенней – деревянные или войлочные юрты. Эта форма кочевания не вписывается ни в одну из классификаций ведущих специалистов по nomадизму.

У закаменских и окинских бурят число хозяйств, совершивших четыре и более перекочевок в год, было больше, чем у тункинских, что объясняется прежде всего сильным влиянием на хозяйство и быт последних русского населения. Этому способствовало расположение Тункинской долины в сравнительной близости от г. Иркутска и наличие дороги, соединявшей его с Тункинским ведомством и обеспечивавшей русским переселенцам более легкий доступ к Тунке. Здесь раньше и в больших масштабах, чем в Закамне и Оке, стали расширять земледелие, в результате чего произошли изменения в ведении хозяйства. Это коснулось прежде всего форм содержания скота, сокращались расстояния и продолжительность кочевок, соответственно менялся и состав стада. С началом перехода бурят к оседлому образу жизни в стадах преобладающим становился крупный рогатый скот, который использовался в земледельческих работах.

Летом часть тункинских скотоводов отправлялась со своими стадами в местность Ури в Монголии. Она находится выше Тункинской долины, обилие альпийских трав там позволяет животным быстро набрать

вес. Чтобы добраться до этой местности, тункинские буряты преодолевали перевал и 60–70 км горной каменистой тропы. После гражданской войны доступ к этим пастбищам был закрыт.

Подавляющее большинство тункинских скотоводов-земледельцев, занимавших самые обширные долины Тунки – Торскую и Тункинскую, кочевало два раза в год – с зимника на летник и обратно. Эти сведения мы читаем в годовом отчете Тункинской степной думы за 1861 г.: “Тункинские инородцы кочуют по два раза с одного места на другое расстоянием от 3 до 15 верст. В 1-х, в исходе мая из зимних юрт в летние, где и проживают три месяца, причина же их кочевья та, что на оставляемых ими зимних жилищах производятся лучшие сенокосные травы, что называются утуги, и, во 2-х, с сентября по выкощении тех трав и уборки сена в стога кочуют обратно, где проживают остальную часть года. В летнее время инородцы приготовляют паровые земли для посева разного рода хлеба, заготавливают для скота сено, производят промысел зверей а также заготавливают на годовую пропорцию дрова” (НАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 29. Л. 70).

Буряты Туранской и Хойтогольской котловин кочевали также два раза в год – с зимника на летник и обратно. Их зимние стойбища находились в Хойтогольской котловине, а летние – в Туранской. Расстояние между ними колебалось в пределах 10–18 км. Скот на зимнике в улусе Хойтогол нельзя было держать круглый год на подножном корму, т.к. заливные луга зимой засыпались снегом и покрывались льдом, поэтому приходилось запасать очень много сена (инф. Ш.А. Сыренов).

Мондинские буряты, граничившие с просторными степями Монголии, не ощущали недостатка в пастбищах и поэтому совершали две и более перекочевок в год на дальние расстояния. Зимой они пользовались монгольскими лугами, куда и угоняли весь свой скот. После революции 1917 г. свободный переход на территорию Монголии был закрыт в связи с усилением пограничной службы РСФСР, и мондинские буряты потеряли свои пастбища там [Полтораднев, 1929, с. 104].

Буряты верховьев Закамны, как правило, кочевали четыре–пять раз в год на дальние расстояния. Так, закаменские буряты, проживавшие в местностях Шара-Азарга и Енгорбай, имели летние кочевья на территории Монголии. Примечателен рассказ жителя Шара-Азарги В.Д. Жаргалова 1939 г.р.: “У моего деда был летник в Монголии в местности Дээ Хубшэ. Эта местность находится примерно в 70 км от с. Шара-Азарга. Я был там во время охоты. Дорога туда очень тяжелая. Кони срываются и падают с горной тропы”. Жители с. Енгорбай подтвердили факт существования их летников в Монголии до революции 1917 г. Буряты, проживавшие в низовьях Закамны, перегоня-

ли скот два раза в год – с зимника на летник и обратно. По форме ведения скотоводства они были схожи с тункинскими бурятами.

Кочевья окинских бурят делились на два района, различавшиеся рельефом местности, величиной пастбищ и сенокосных угодий, которые влияли на количество перекочевок. В первом (от Гаргана до устья р. Тиссы, долины р. Оки с прилегающими падями и реками Хончен и Хамодон) преобладали узкие глубокие пади, не согревавшиеся солнцем в зимние оттепели. Летом они были заболочены, что не позволяло делать запасов сена. Выгоны в этом районе протягивались узкой лентой. Данные обстоятельства заставляли кочевника уходить на зиму в места, более освещаемые солнцем и более сухие, – в долину р. Оки и перекочевывать до четырех и более раз в год, в зависимости от атмосферных условий. Второй район (вся северная часть Окинского хошуна, включая падь р. Тиссы) располагался по широким падям, где в любом месте можно было производить сенозаготовки. Здесь большинство скотоводов совершало две перекочевки в год, и только исключительные зимние условия заставляли их выгонять скот далеко от стоянок в поисках корма. В начале 20-х гг. XX в. в первом районе было 139 хозяйств, во втором – 211 [Никонов, 1926, с. 97–98].

По словам информантов, до гражданской войны, когда переход через монгольскую границу был свободен, окинские буряты в голодные зимы беспрепятственно кочевали со скотом в Монголию, чем и спасали свои стада от падежа. После утраты бурятами этих пастбищ падежи скота от бескорьи стали происходить ежегодно.

Рассмотрим влияние российской экономики на скотоводческое хозяйство присаянских бурят в изучаемый период. Комплекс природно-климатических условий субаридной зоны Присаянья позволил переселенцам – русским крестьянам и казачеству – культивировать здесь земледелие. Как правило, мигранты размещались в низовьях котловин, где климат был мягче и имелись плодородные земли. Естественно, что переселенцы, основой жизнедеятельности которых являлось земледелие, не стремились осваивать аридные зоны с засухами и недостатком водных источников. Они заняли часть субаридной зоны.

В связи с влиянием оседло-земледельческой культуры на кочевое хозяйство интересно узнать количественное соотношение русского и бурятского населения в Присаянье. Например, в середине 70-х г. XIX в. в Тункинском ведомстве бурят насчитывалось 12 077, русских крестьян – 3 892 [Ровинский, 1875, № 12, с. 381]. В 1923 г. в Тункинском аймаке проживало 14 416 бурят и 12 114 русских, из них в Окинском хошуне соответственно 1 905 и 7 [Тунка..., 1998, с. 69–73]. В 1928 г. в Закаменском аймаке насчитывалось

15 474 бурят и 2 853 русских [Богданов, 1928, с. 48]. Как показали исследования Байкальского этнографического отряда, окинские и закаменские буряты в большей мере, чем тункинские, сохранили свой язык, свои хозяйствственные и культурные традиции. Таким образом, можно констатировать, что часть тункинских бурят под влиянием русского населения, которого в Тунке было больше, чем в Оке и Закамне, постепенно утрачивала свои хозяйственно-культурные традиции.

Сравнительно благоприятные природно-климатические условия Торской и Тункинской котловин и их близость к г. Иркутску обусловили быстрое заселение этого района русскими, что привело к появлению в Тункинском ведомстве крещеных бурят, часть которых, смешавшись с русскими, образовала оседлый тип населения, совместивший в себе русскую и бурятскую культуры. П.А. Кропоткин, проводивший географические исследования в Тункинском ведомстве в мае 1865 г., писал: «Здесь много бурят и ясачных, т.е. крещеных бурят, они очень много занимаются хлебопашеством. Разрабатывают кто одну (мало), кто 4–5, до 8–10 десятин. Особенно поразила меня бойкость ясачных. Это выйдет очень хороший народ. Они все, конечно, болтают по-русски, очень порядочно, очень любят употреблять “слава богу”, “ей-богу” и проч. Это население, пожалуй, лучше будет наших тунковских казаков, – удачество, веселость, решимость. Все они, конечно, черноволосы, черноглазы, тип бурятский, но мне кажется, что они намного красивее их, глаза открытее. Они очень трудолюбивы. Когда я ехал на Талую, то не встретил ни одного крестьянина в поле, ясачные и буряты все работают, городят изгородь и очень хорошо (прямую). <...> В Талой хорошо живут. В доме у мельника дети, все буряты, как есть, мать не бурятская. Ясачные строят дома с печами, зимой иногда живут, летом не удержать, живут в юртекс [Кропоткин, 1992, с. 213].

Буряты, жившие в непосредственной близости к русским селениям, видели выгоды земледелия, более продуктивного, чем скотоводство, и увеличивали запашки. “Конечно, где есть условия для... скотоводства и нет под боком русских, которые на деле показали бы выгоды хлебопашества, там оно идет у бурят довольно плохо, и не мудрено, что торские братские (буряты Торской котловины. – Д.М.) пашут по тридцати человек в одном поле (3–5 десятин), в то время как их соседи тункинские братские (буряты Тункинской котловины, жившие вокруг самого большого русского села – Тунка. – Д.М.) засеваю по 5, даже по 10 десятин” [Кропоткин, 1867, с. 9].

Звериный промысел, который у присаянских бурят занимал второе место после скотоводства, с 1870-х гг. постепенно идет на спад. “Главный промысел инородцев – звероловство, особенно добыча белки и соболя... зверопромышленность очень скучно окупает

промышленный труд и расходы по ней, почему в некоторых местах она начинает заменяться отхожим промыслом и хлебопашеством” (НАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 210. Л. 34).

В середине XIX – начале XX в. в Присаянье наблюдался рост земледелия. В Тунке в 1864 г. хлебопашеством занималась четверть бурят (ХВРК, инв. № 19. Л. 88), в начале XX в., по словам информантов, – основная часть бурятского населения, не считая окинских и мондинских бурят. Если в 1845 г. в Закаменском ведомстве под посев было подготовлено 76,5 десятин земли, то в начале XX в. пашни здесь занимали 3 306 га [Галданова, 1992, с. 39; Залкинд, 1958, с. 207]. По сведениям И.А. Рукавишникова, восточная (нижняя) часть (50 % бурятского населения) Закаменского хошуна представляла переходный от скотоводства к земледелию район, западная – скотоводческий [1923, с. 26]. Естественно, увеличение пашни в Присаянье шло за счет уменьшения пастбищ и сенокосных угодий. Это отражалось на численности стада и его видовом составе. Хотя в изучаемый период наблюдался общий рост поголовья скота за счет возникновения новых хозяйств, его количество у отдельно взятых семей уменьшалось, постепенно сокращалось число животных (лошадей, овец), наиболее приспособленных кnomadному хозяйству.

В 1870-х гг. у тункинских бурят появилось свиноводство, которое служит четким маркером оседлого образа жизни. Если в 1874 г. было 238 свиней, то в 1878 г. – 1 241 (НАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 157. Л. 19; д. 210. Л. 50).

Рост населения г. Иркутска позволял Присаянским бурятам продавать свой скот иркутским скотопромышленникам. Как правило, на продажу откармливали волов. Некоторые домохозяева, в частности санагинские буряты, продавали в год до 50 голов [Галданова, 1992, с. 44]. В 1861 г. бурятами Тункинского ведомства было продано скота на сумму 4 369 руб. 50 коп., а в 1863 г. – на сумму 5 316 руб. 50 коп. Кроме этого, в незначительных количествах на продажу шло коровье масло (НАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 29. Л. 105–106; Д. 66. Л. 74). В 1864 г. были следующие расценки на скот: лошади – 15 руб. за голову, олени – 10, крупный рогатый скот – 7, мелкий – 2 руб. (НАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 88. Л. 13). Документы Тункинской степной думы за 1878 г. говорят о следующем: “Гильдейской торговли в ведомстве нет. Инородцы же ведут мелкую торговлю с пограничными караулами и Монголией, променивая туда пушнину и хлеб на скот, чай и прочее. Четверо же из здешних бурят ведут торговлю с Монгoliей... доставляя туда мануфактурные, скобяные и кожевенные товары, а оттуда приводят рогатый скот и овец” (НАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 210. Л. 34–35).

Часть тункинских бурят в зимнее время занималась доставкой чая из улуса Удунги Селенгинского окр. За-

байкальской обл. в г. Иркутск. С конца ноября по конец декабря, с прекращением навигации по Байкалу, 100–120 чел., преимущественно из ясачных, на своих санях уезжали в Удунгу, откуда привозили чай в Иркутск. Им платили от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. с места чая. Этот заработок был ничтожным, если учесть, что извозом занимались раз в году и на одни сани полагалось четыре чайных места. Ок. 300 тункинских бурят ежегодно нанимались на Ангарский рыболовный промысел, на другие промыслы (в архивных материалах не указано, какие именно) в Аларское ведомство Балаганского окр. и на золотые прииски, открытые в Тункинском ведомстве. На рыболовном промысле они работали с весны до осени и зарабатывали 60–90 руб. за сезон. В Аларское ведомство рабочие нанимались на пять–шесть лет и получали 60–90 руб. в год. На золотых приисках заработка составлял 80–110 руб. в год (НАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 210. Л. 42, 43).

Одним из наиболее важных новшеств у скотоводов-бурят стала организация борьбы с эпизоотиями крупного рогатого скота, последствия которых вызывали беспокойство у властей. Для их предотвращения составлялись циркуляры, правила и указания (НАРБ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 169). В Забайкальской обл. и Иркутской губ. применялись жесткие санкции к скотоводам, не проинформировавшим местные власти и полицию о появлении признаков болезни у животных. Скот, предназначенный на убой, проходил строгий санитарно-эпидемиологический контроль. В случае выявления признаков болезни зараженных животных изолировали. За выполнением распоряжений властей следило полицейское управление (НАРБ. Ф. 171. Оп. 2. Д. 60).

Особенно эффективной мерой борьбы с эпизоотией в конце XIX – начале XX в. стала вакцинация скота. Врачи-ветеринары и специально обученные санитары выезжали на места распространения болезней и делали профилактические прививки здоровым животным. Эти мероприятия способствовали уменьшению очагов эпидемий и сохранению поголовья скота [Крадин, 2000, с. 233].

В целом мероприятия правительства России не затронули права собственности на скот у присаянских бурят, а следовательно, не нарушили их традиционного хозяйства. С сокращением пастбищ росло число бурят, не связанных со скотоводством. Они находили возможности для жизнедеятельности, оседая в русских селениях и занимаясь различными промыслами. Распространение земледелия наблюдалось прежде всего у тункинских бурят, проживавших в более благоприятных для хлебопашества экологических условиях, чем закаменские и окинские буряты. Несмотря на рост числа хозяйств, занимавшихся земледелием, скотоводство оставалось основной отраслью nomadной экономики присаянских бурят.

